

К У Л Ь Т У Р А П О В С Е Д Н Е В Н О С Т И

Новое
Литературное
Обозрение

GEORGES VIGARELLO

LES MÉTAMORPHOSES
DU GRAS

HISTOIRE DE L'OBÉSITÉ
DU MOYEN AGE AU XXE SIÈCLE

ÉDITIONS
DU SEUIL

PARIS

2010

ЖОРЖ ВИГАРЕЛЛО

МЕТАМОРФОЗЫ ЖИРА

ИСТОРИЯ ОЖИРЕНИЯ
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО XX ВЕКА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2024

УДК 613.25:316

ББК 60.561.6

Б41

Редактор серии Л. Оборин

Вигарелло, Ж.

- Б41 Метаморфозы жира: История ожирения от Средневековья до XX века / Жорж Вигарелло; пер. с фр. О. Панайотти.— М.: Новое литературное обозрение, 2024.— 344 с. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2584-6

Дородность, полнота, ожирение — эти понятия обозначают вроде бы одно и то же, но отражают разное отношение к проблеме лишнего веса. Книга Жоржа Вигарелло — увлекательное и драматичное исследование о том, как человечество смотрело на полных людей раньше и как ожирение воспринимается сегодня. В разные эпохи тучность — свидетельство знатности и лени, небвоздержанности и болезни, о его причинах спорят античные врачи и медики эпохи Просвещения, в его появлении винят воздух, воду, неправильное питание и обмен веществ. Сегодня, когда по всему миру от ожирения страдает больше миллиарда человек, книга Вигарелло о метаморфозах жира воспринимается как особенно актуальное чтение. Жорж Вигарелло — французский историк и социолог, специалист по социологии медицины, профессор Университета Париж V, автор вышедших в «НЛО» книг «Искусство привлекательности» и «История усталости».

УДК 613.25:316

ББК 60.561.6

В оформлении обложки использован портрет Герарда Андриса Биккера, сына Андриса Биккера и лендроста Мёйдена. Худ. Б. ван дер Хельст. 1642 г.
Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam

© Éditions du Seuil, 2010 and 2013

© О. Панайотти, перевод с французского, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
--------------------	----

Часть первая. Средневековое обжорство

Глава 1. Быть толстым престижно	19
<i>Стихийная сила</i>	19
<i>Оскорблении?</i>	23
<i>От толстого к очень толстому</i>	25
Глава 2. Жидкости, жир, ветер	28
<i>Вещества, из которых состоит жир</i>	29
<i>Избыток ветра и воды</i>	31
<i>Подагра</i>	33
<i>«Простота» удаления</i>	35
Глава 3. Горизонты вины	37
<i>Клерикальная модель</i>	38
<i>Медицинская модель</i>	40
<i>Придворная модель</i>	42
Глава 4. XV век и спорная изысканность	45
<i>Происхождение изображений</i>	46
<i>Проявление социальных различий?</i>	48
<i>Образ жизни и конфликты</i>	49
<i>«Тяжеловесная» эстетика</i>	52

Часть вторая. Толстяки Нового времени

Глава 1. Берега лени	58
<i>Активность и пассивность Нового времени</i>	58
<i>От оскорблений к общению</i>	61
<i>Сопротивление и очарование</i>	64
<i>Неприятие худобы</i>	68

Глава 2. Многоликая полнота	73
Драматизация угрозы	73
Боязнь апоплексического удара	75
Абстрактный взгляд на жир	79
Специфика водянки	81
Подагра	84
Глава 3. Исследуем изображения, уточняем термины	87
Образы и реализм черт	88
Выбор Рубенса	90
Сила и бессилие слов	93
Глава 4. Принуждение плоти	99
Первые шаги в оценках	99
Внимание к верхней части тела	104
Новейшие диеты и запреты	106
«Обезвоживание»	110
Уксусы и соли	112
Пояса, пластины и корсеты	115

**Часть третья. От неуклюжести к бессилию.
Эпоха Просвещения и чувствительность**

Глава 1. Появление нюансов	122
Усилия «неутомимые» и усилия «тищетные»	122
Что важнее — окружность талии или вес?	124
Изобретение средних значений	126
Первые попытки изобразить формы тела	129
Мужская «тяжеловесность», социальная «значительность» .	133
Глава 2. Стигматизация немощи	137
Использование понятия «ожирение»	138
Отсутствие чувствительности — недооцененный симптом .	142
Критика богачей	144
«Августейший супруг и ничтожный муж»	146
Глава 3. Поддержание тонуса	149
Эффективность тонизирующих средств	149
Эффективность «возбуждающих» средств	151

<i>Мечты об электричестве</i>	154
<i>Диета и нервы</i>	155
<i>Растительная или мясная пища?</i>	158
<i>Химическая революция</i>	160
 Часть четвертая. Пузатая буржуазия	
Глава 1. Утверждение расчетов	166
<i>Вездесущие цифры</i>	166
<i>Просчитанная связь роста и веса</i>	167
<i>Расчет веса конкретного человека</i>	169
Глава 2. Увлечение классификациями	172
<i>Мужчины-«гастрофоры», женщины-толстухи</i>	173
<i>Утвердившийся живот буржуа</i>	178
<i>Высмеиваемый буржуазный живот</i>	180
<i>Романтическая стройность?</i>	183
Глава 3. От химии к энергетике	186
<i>Отечность и ожирение: новые различия</i>	186
<i>Жир и процесс сгорания</i>	188
<i>Жир и «неминуемая болезнь»</i>	191
Глава 4. От энергетики к диетам	195
<i>Значение энергии</i>	195
<i>Создание «искусства жить хорошо»?</i>	198
<i>Архаика и модерность</i>	199
<i>Несчастье и «я»: новый статус ожирения</i>	201
 Часть пятая. Начинаются «мучительные страдания»	
Глава 1. Главенство эстетики	208
<i>Мода на взвешивание</i>	209
<i>Различия в шкалах и конфликтные ситуации</i>	210
<i>Демонстрация тела</i>	213
<i>Женские бедра</i>	215
<i>От мужской талии — к открытию мускулатуры</i>	218
<i>От эстетической стороны к конфликту образов</i>	222

Глава 2. Ожирение с точки зрения «науки», ожирение с точки зрения «света»	226
Ожирение в цифрах	227
«Замедленное питание» и «переедание»	229
Навязчивая идея вырождения	232
Взрыв популярности диет	233
Бальнеология: между социальной проблематикой и химией	237
Расцвет рекламы	240
Глава 3. Революция стройности	242
«Порок цивилизации»	243
Стройность мужчин	245
Женская стройность	246
«Градация» анатомии	248
Сотворение «монструозного»	249
Глава 4. Говорим о мучениях	252
Первые стадии ожирения: революционные перемены	253
Рост количества патологий	254
Методы лечения множатся	256
Провал «очевидного» лечения	259
Между испытанием и пыткой	262
Как говорят об ожирении сегодня? Зло явное, зло скрытое	267
Констатация эпидемии	268
Принимаются ли меры?	271
Динамика худобы, динамика ожирения	272
Последствия стремления к стройности	273
«Многофакторный» мир	275
Собственное «я», испытание, идентичность	278
Заключение	284
Примечания	287
Указатель имен	335

Жану-Ноэлю Жаннене

В В Е Д Е Н И Е

В одном из писем, написанных в конце XVII века, Елизавета Шарлотта, принцесса Пфальцская, так описывает свою внешность: «Я чудовищно толстая, моя фигура напоминает куб, кожа красная, с желтыми пятнами...»¹ Это очень ценное свидетельство, потому что в дореволюционной Франции словесные автопортреты были редкостью. Описание собственной внешности предполагает отстранение, объективный взгляд на себя, всеобъемлющее суждение, что под силу лишь образованному человеку. В особенности же это свидетельство ценно тем, что оно подтверждает решительные перемены в отношении к полноте: она совершенно обесценилась. Принцесса подчеркивает свою неуклюжесть, тяжесть, неизлечимую подавленность, вызванную переходом «от легкости к тучности», из-за чего она «полнила ряды уродин»². Начинаются проблемы со здоровьем: появляются «сплин», «колики», «приливы», в карете начинает «укачивать»... Тучность — это неудобство, можно сказать, несчастье.

Тем не менее подобным образом к полноте относились не всегда, что подтверждает изучение истории. Например, в Средние века массивное телосложение ценилось высоко, так как говорило о власти, о хорошем происхождении. В мире, где царил голод, рассказывались легенды о волшебных странах, где можно «нажираться», где все сыты.

Сила ассоциируется с пирушками. Полнота, по средневековым представлениям, способствует сохранению здоровья. Великолепие плоти оказывается социальной «привилегией». Безусловно, эти сложные образы в те же Средние века оспариваются церковью, врачи относятся к ним сдержанно или, наоборот, убеждены в их правильности, на них даже иногда ориентируются при дворе; однако это образы знаменательные, понятные, придающие тучному человеку мощь и убедительность.

Взгляды меняются в Европе Нового времени. Сен-Симон во Франции, Сэмюэл Пипс в Англии примерно в одно и то же время поносят «жирных и ленивых»³, высмеивают «курносых толстух»⁴, «больших и толстых»⁵, «краснорожих и толстобрююхих»⁶, а мадам де Севинье больше всего на свете боится стать «толстой старухой»⁷. «Толстый» теперь — синоним «жирного» — вялого и подавленного. Вкусы и образцы для подражания изменились: на столах больше нет груд еды, упитанность отныне признак не силы, а скорее запущенности и грубости.

История полноты связана с этим переворотом в сознании. Западные общества развиваются под знаком телесной утонченности, заботы об очертаниях фигуры, отчаянного отказа от тяжеловесности. Положение толстяков меняется, предпочтение мало-помалу начинают отдавать легкости. Толстяков шельмуют, дискредитируют: объемное тело — вещь не утонченная, идеал красоты отныне — стройность, даже худоба.

С течением времени причины дискредитации тучных людей меняются, что придает истории полноты еще больший смысл. Взгляд на «дефект» смешается, и становится очевидным, до какой степени внешний вид тела с его реальными или предполагаемыми недостатками связан с историей культуры и чувствительности. В Средние века критика со стороны духовенства, распространенная также

в XIV и XV веках, на заре Нового времени, концентрировала внимание на смертных грехах. Клеймились страсти, обжорство бичевалось как нечто гнусное. Критиковалась жадность, а более поздняя критика обрушивалась скорее на промахи и низкую эффективность. Толстяк считался ни на что не способным существом, вялым и инертным. Его недостатки связаны с внешностью, с нехваткой силы или действия. Лучше всего это заметно на шаржах, созданных в XVII веке Аннибале Карраччи: мы видим пузатых, короткоруких и коротконогих людей, стоящих в неуклюжих принужденных позах⁸. Как представляется, жир порождает бессилие. С наступлением Нового времени недостатки полноты обрачиваются нехваткой динамики и мощности. Это также порождает массовые разоблачения, в которых дородность бесполезных богачей связывается с тем, что они грабят народ: примером тому служат пузатые и расслабленные вельможи и священники конца XVIII века, «хапуги», которых авторы революционных картинок отправляют под «пресс», показывая всю их никчемность.

В обществе усиливаются индивидуализм, автономия и самоутверждение личности, и критика приобретает психологическую окраску. К «неудачникам» относятся с большей теплотой. Отсюда упреки в «апатичности»⁹ тяжелого телосложения жителей северных стран в конце XVIII века или обвинение в «эгоизме»¹⁰, предъявляемое «толстякам» в иллюстрациях к произведениям романтической литературы: например, образ «жирного и грустного» «мальчика для битья», созданный художником Гранвиллем в книге Старого Ника (псевдоним Эмиля Форга) «Мелкие неприятности человеческой жизни» (1843)¹¹. Тучность отныне следствие индивидуальных установок, черт личности, даже образа мыслей. В конце XIX века Манюэль Левен создает длинную серию трактатов¹², в которых ожирение связывается с неврозом. В результате критики тучности на Западе меняется

психология, рушатся старые моральные установки, сводя на нет личностные различия и типы поведения людей.

Иначе говоря, эта стигматизация связана прежде всего с нормами, сложившимися в западных обществах: к внешнему виду и самовыражению предъявляется все больше требований. Наряду с этим она может отражать и сохраняющиеся различия между мужским и женским полом, а также между социальными группами. Строже отношение к женскому телу, от которого традиционно ожидается мягкость и податливость. Зато к представителям господствующих классов, предки которых издавна славились полнотой, может проявляться больше терпимости. Например, в XVII веке при дворе короля Людовика XIV было множество принцев, отличающихся полнотой, а в XIX веке в буржуазной среде хватало толстяков, считавших престижной свою упитанность, если не сказать — тяжеловесность. Социальная и культурная поляризация, различное отношение к мужчинам и женщинам неизбежно влечут за собой либо недооценку, либо переоценку полноты.

Следует добавить, что история полноты — это и история отношения к формам тела и их использованию. На протяжении долгого времени, в отсутствие измерений и точных критериев, ориентиры остаются размытыми, нет промежуточных стадий и четкого разделения между «нормальным» и «очень толстым». Терминология складывается веками, ведется долгая игра с диминутивами: в XVI веке в ходу будут слова «жирненький» и «пухленький», в XVII веке — «толстячок» и «пузанчик»; позже появится шкала для измерения, несмотря на всю их неизбежную неточность, определятся фазы полноты и будут сделаны попытки их конкретизации. Для определения этого явления появлялось все больше слов, а значит, взгляд на проблему становился острее, хоть и оставался весьма приблизительным, а с точки зрения современных критериев — разочаровывающим. В результате

«Медицинский словарь», вышедший в свет в 1827 году, уверяет, что у тучности «множество степеней»¹³. Изучение истории тела включает в себя работу по оценке внешности и ее истолкованию.

Именно благодаря этому уточнению критерии массы тела и их систематические расчеты, начавшиеся в конце XIX века, становятся обыденностью. Одновременно с этим наблюдатели и исследователи более четко осознают особенности телосложения. Понадобится время, чтобы в XX веке в домах появились весы: новое требование поддержания собственного тела в порядке делает очевидным необходимость следить за весом. Сегодня весы повсюду, их присутствие стало почти «естественным», само собой разумеющимся, и это позволяет забыть, насколько совершенной теперь стала оценка веса. Стоит ли упоминать, что именно этот более пристальный взгляд на проблему, его диверсифицированность и индивидуализация лежат в основе истории тучности.

В западных обществах создаются различные тактики поддержания массы тела, ведется борьба с полнотой, и неявный приоритет отдается практикам похудения. В современном мире эти практики развиваются и становятся разнообразнее; оказывается, «борьба» с весом — вещь отнюдь не новая. Эта борьба идет на фоне незаметного уточнения суждений о формах тела. На протяжении долгого времени основным принципом этой борьбы было принуждение плоти: использовались всевозможные корсеты, утягивающие пояса, шнурочки. Формы тела, таким образом, должны были подчиняться и уступать очень жестким воздействиям. Итак, перед нами не что иное, как архаичные представления о теле как пассивном комплексе, податливом предмете, который можно исправить самыми простыми механическими воздействиями.

Наконец, у этой борьбы с полнотой есть характерная особенность, малоизученная в историческом плане и в то же

ВВЕДЕНИЕ

время весьма знаменательная: желаемое похудение не всегда достижимо и порой невозможno. Нельзя сказать, что результат всегда оказывается призрачным. Благодаря достижениям науки удачных случаев становится больше, однако много и безуспешных попыток: лишний вес оказывается неизменным, несмотря на комплексное лечение. Если же похудение кем-то навязывается, становится обязательным, то возникающие на его пути препятствия могут вызывать озабоченность и нарастающую тревогу. Стигматизируется уже не тучность, а бессилие, неспособность измениться. Критика становится более психологической, более интимной: осуждается не обжорство или неуклюжесть, а неспособность взять себя в руки, овладеть собой, шельмуется «бесстрастное» отношение к уродливому телу, несмотря на то что «все» говорит о том, что это тело должно измениться. История ожирения — это также история «бездействия», «вялости»; на Западе тело всегда оказывается связанным с личностью человека, но оно ускользает от попыток, с виду простых, переделать и изменить его. Тут может появиться совершенно особая фигура тучного человека, которого царящие в обществе стандарты худобы и трудности в соблюдении этих стандартов обрекают на какие-то уникальные страдания¹⁴. Интересно отметить, что эти страдания легче демонстрируются в обществе, где психологическая обстановка позволяет людям вести доверительные беседы.

История ожирения — это в первую очередь история разных форм преследования толстых людей, со всеми культурными аспектами и социальным неприятием подобного явления. Также это история особых трудностей, переживаемых тучным человеком: его горести усиливались из-за навязываемых стандартов и растущего внимания к психологическим страданиям. Наконец, это история необычности тела, которую общество отказывалось принимать и которую нельзя изменить усилием воли.